

В. И. Пефтиев**Н. С. Лесков о дискурсе писателя**

Н. С. Лесков (1835–1895) – второй после П. Я. Чаадаева гений России со «скандальной репутацией». Перелом в его жизни и творчестве – от бойкота (отлучения) к нарастающему признанию – наступил после 1865 г. В историю литературы вошел писатель-публицист, знаток русской речи, русской души (нации).

Культурологический подход к наследию Н. С. Лескова предполагает использование понятия и феномена «дискурс» в авторской трактовке в органическом единстве с понятием «хронотоп» (М. М. Бахтин) по конкретным произведениям. В статье прослеживается тернистый путь восхождения Лескова в мир литературы. Выявлены истоки остракизма начинающего писателя. Предложена авторская версия кредо Лескова как человека и творца. Обозначены контуры послания гения России будущим поколениям.

Ключевые слова: писатель и эпоха, дискурс писателя, Н. С. Лесков, «Некуда», «Леди Макбет Мценского уезда», «Тупейный художник».

V. I. Peftiev**N. S. Leskov about the Writer's Discourse**

N. S. Leskov (1835–1895) is the second after P. Ya. Chaadaev genius of Russia with «scandalous reputation». The change in his life and creativity – from boycott (excommunication) to the accruing recognition – happened after 1865. The writer-publicist, expert on the Russian speech, psychologist of the Russian soul (nation) mysteries entered literature history.

A culturological approach to N. S. Leskov's heritage assumes to use a concept and phenomenon «discourse» in the author's understanding in organic unity with «chronotope» (M. M. Bakhtin) according to certain works. In the article the thorny road of Leskov's ascension to the world of literature is tracked. Sources of ostracism of the beginning writer are revealed. The author's version of Leskov's credo as a person and creator is offered. Contours of the message of the Russian genius to future generations are designated.

Keywords: the writer and the era, the writer's discourse, N. S. Leskov, «No Place», «Lady Macbeth of the Mtsensk County», «the Tupeyny artist».

Николай Семенович Лесков (1835–1895) – второй после П. Я. Чаадаева гений России со «скандальной репутацией». Перелом в его жизни и творчестве – от бойкота (отлучения) к нарастающему признанию – наступил после 1865 г. В историю литературы вошел писатель-публицист, знаток русской речи, русской души (нации). Историография Н. С. Лескова на русском и иностранном языках обширна. Для обзора нами отобраны биографии современника А. М. Фаресова (1904 г.), советского автора Леонида Гроссмана (1945 г.), эссе Льва Аннинского (1982 г.) и учебное пособие И. П. Видуэцкой (МГУ, 2000 г.). Культурологический подход к наследию Н. С. Лескова предполагает использование понятия и феномена «дискурс» в авторской трактовке в органическом единстве с понятием «хронотоп» (М. М. Бахтин) по конкретным произведениям. В статье представлены три рубрики (границы) этой неординарной личности и самобытного писателя.

Тернистый путь вхождения Лескова в мир литературы

Биография гения еще остается нержавеющей инструментом познания в культурологии, если исследователю удастся выделить истоки влияния на личность жизненных впечатлений и экзистенциальных развилков (от детства, возмужания и до заката жизни). Кипящая магма эмоций и мыслей клокотала в памяти Лескова и просилась в связанный текст. Замысел стать писателем зрел исподволь и стал осознанным за порогом 30-летия. Обстоятельная биография Леонида Гроссмана (1945 г.) облегчает нахождение бифуркаций (поворотных точек) в тернистом пути жизни и творчестве Лескова. Нас интересуют, прежде всего, его личные встречи и беседы на каждом повороте судьбы.

4/16 февраля 1831 г. у молодых Лесковых родился первенец – сын Николай. Место рождения – село Горохово, малая родина – Гостомельские хутора Орловской губернии. По отцу – из духовенства и мелкопоместных дворян, по матери – аристократический род Алферьевых (мос-

ковская и провинциальные ветви). Лесков, согласно семейным преданиям, был весь в мать: энергичную и деловую, суровую и властную женщину. Сказки дедушки Ильи и кучера Ильи Васильевича навеяли впоследствии его поэтические раздумья о родном пейзаже и народном фольклоре. Не забывал об ужасах голодного года (1840 г.) и знакомства с семьями раскольников (поповщина и беспоповщина, хлыстовщина). Отсюда идут незримые нити к шедевру «Запечатленный ангел» (1873 г., журнал «Русский вестник»). В гимназические годы (с 1841 г.) Лесков перечел почти всю богатую библиотеку жившей в Орле племянницы писателя Масальского – А. Н. Зиновьевой. Привлекали его внимание и характерные фигуры поляков, сосланных после событий 1830 г. Не прошла бесследно для творчества Лескова его служба в Орловской палате уголовного суда. Молодой канцелярист бывал в кружке Афанасия (Опанаса) Марковича, украинского этнографа, одного из участников Кирилло-Мефодиевского братства («Костомаровская история») [4, с. 16, 19, 25, 28–29].

Киев никого не оставляет равнодушным. Лескова восхищали фрески и мозаика Софийского собора (в византийском стиле), образец рококо Андреевской церкви Растрелли, виды на Подол и Днепр. В Киеве (50-е гг.) дважды женился (браки не были счастливы); сын от второго брака Андрей – автор мемуаров об отце и ценных комментариев к его письмам и рассказам. Отлично владея украинским и польским языками, Лесков установил тесные контакты с молодыми профессорами университета св. Владимира, с молодежью и старшим поколением. Среди них: Н. И. Полянкевич (энциклопедия права), Н. Д. Иванишев (государствовед и историк), А. И. Селин (русская словесность), Д. П. Журавский (экономист). Продолжалось накопление знаний, раскрылся дар импровизатора и остролова, расширилась эрудиция «самоучки» (Лесков не окончил гимназию, в университете посещал лекции эпизодически и вольным слушателем. – В. П.). Писательство началось после оставления государственной службы (октябрь 1851 г.) [4, с. 31–33, 40].

Крымская война имела и неожиданное последствие, позабытое историками, но памятное для современников, – сокращение штатов в гражданских и военных учреждениях. В русском обществе, по свидетельству Лескова, заметен поворот молодых людей с бюрократической дороги с «самовознаграждением» (взятки) к торговой и

промышленной деятельности. Он поступает на частную службу к своему родственнику А. Я. Шкотту как контрагент (посредник) в управлении имениями Нарышкиных и Перовских. В течение трех лет Лесков разъезжает по всему Поволжью от Астрахани до Рыбинска и далее по рекам, озерам и каналам до Петербурга. Неоднократно ему приходилось бывать и в Москве. Из деловых разъездов Лесков присылал письма своему патрону и знакомым. Они заслужили лестный отзыв известного публициста и политэконома Ильи Васильевича Селиванова: достойны печати, а в авторе «пророчил писателя». Литературные способности Лескова высоко ценили профессора-медики А. П. Вальтер и Н. И. Козлов. По инициативе первого Лесков посылает статьи в ежедневную газету «Современная медицина» (Киев, с 1860 г.) о врачах рекрутских присутствий и полицейских участков. Одновременно начинающий автор помещает заметки в «Экономический указатель» и корреспонденции из Киева в «Петербургские ведомости» (темы коммерческого быта). К журналистской деятельности Лескова привел С. С. Громека [4, с. 40, 43, 45–46, 48].

В январе 1861 г. Лесков прибыл в Петербург, где его захватывают будни журналиста, точнее – хроникера и корреспондента-очеркиста. Эти летучие эскизы и беглые наброски к позднейшим рассказам, по словам Леонида Гроссмана, относятся к легальному либерализму. В литературных кругах его ждал теплый прием. Аполлон Григорьев одним из первых поддержал молодого автора. Его публикуют газеты «Северная пчела» и «Русская речь», журналы «Отечественные записки», «Время», «Книжный вестник». К этим изданиям позднее присоединяются журналы «Эпоха» братьев Достоевских и «Время». Отдельные очерки начинающий писатель публикует в журнале «Указатель экономический» (редактор проф. И. В. Вернадский). Ценным руководителем для дебютанта оказался писатель, член редакции «Северная пчела» П. И. Мельников-Печерский. Литературным учителем Лескова считается В. И. Даль (псевдоним – казак Луганский). Литературную школу (неоднозначную по воздействию. – В. П.) Лесков прошел в Московском кружке и в редакции газеты «Русская речь» (под редакцией Евгении Тур). К московскому кружку принадлежал и А. С. Суворин. В редакции «Русской речи» Лесков встречался с будущим обидчиком Е. М. Феоктистовым. Стремительный взлет Н. С. Лескова обрывается катастрофой

1862–1864 гг. («Пожарная история» и роман «Некуда») [4, с. 48, 51–52, 56–57, 63–64, 66].

Истоки остракизма (отлучения) начинающего писателя. Душевная травма начала 60-х гг.

От похвал к отлучению процесс шел по нарастающей и распался на эпизоды. Статья в «Северной пчеле» (30 мая 1862 г.) о петербургских пожарах. Осуждение легкомысленных порывов «Молодой России», нигилистов второй волны и противоречивая оценка романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» («Новые люди»). Цикл статей о Герцене в «Северной пчеле» (1862). Корреспондент этой газеты в Париже и написание тем очерков «Русское общество в Париже» и рассказа «Овцебык» (1862). В голове созрел план романа «Некуда» (1864). За содеянное – бойкот, изгнание со страниц журналов, оскорбления («отступник», «рenegат», «пасквильянт»), убийственные отзывы о романе (Д. И. Писарева, других хулителей). Почему так далеко зашло взаимное отчуждение писателя и эпохи (точнее: особенного писателя и человека,) и литературной общественности, по мнению А. Л. Волынского? Сформулируем свою версию (интерпретацию) с ориентацией на блестящее эссе Л. Аннинского и других исследователей.

Матрица эпохи. Отмена крепостного права (Манифест 19 февраля 1861 г.). Брожение умов. Студенческие беспорядки. Восстание в Польше. Российское общество стремительно раскалывается на радикалов, постепенновцев и сторонников самодержавия (стабильности, порядка). Оппоненты требуют от каждого «попутчика» четкой идейно-политической позиции («за» и/или «против»).

По жизненному опыту, складу ума и темпераменту выступал против любых фиксированных течений (меткое определение А. М. Фаресова, из ближайшего окружения Лескова). Лесков всегда оставался верен только себе, своему мироощущению текущего момента, своему взгляду и интуиции. Он обладал уникальной способностью быстро распознавать слабые места людей и теорий¹. В одной из последних бесед с Н. С. Лесковым А. И. Фаресов приводит такие слова писателя: «Идеи, которые некому и негде осуществлять, скверные идеи! ... А романом “Некуда” я горжусь...» [8, с. 47].

Необходимо обратиться к общественному мнению той эпохи – силы неофициальной, но опасной. В 60-е гг. XIX в. общественное мнение в обеих столицах формировали император, под-

властная ему цензура, а также ведущие журналы и газеты, табу (запреты) в писательской среде. Реплика Александра II на общественные дискуссии вокруг романа «Некуда»: «Не следовало пропускать!». Последовали многократные придирки к сочинениям Лескова. В литературе и публицистике 60-х сталкивались амбиции трех ведущих журналов: 1) «Эпоха» (Достоевский, Григорьев); 2) «Современник» (Антонович, Щедрин) и 3) «Русское слово» (Писарев, Зайцев). Эти «властители дум» воевали друг с другом (в ходу нелюбезные высказывания) за внимание читателей. Возбранилось публиковать «чужих». Дебютант Лесков с его кредо «против течений» (то есть на современном языке – ангажированности) оказывался под перекрестной критикой и «не ко двору»². Ему приходилось издавать свои сочинения там, где он хотел и мог. Отсюда и разногласия в его издателях: П. Д. Боборыкин, М. Н. Катков, А. С. Суворин и др. Нельзя сбрасывать со счетов его полемику с «Колоколом» Герцена и знакомство с литературой Европы (Флобер, Мопассан) и фольклором Украины, Польши, Чехии, Балтии.

Ранняя зрелость Лескова (но еще не зенит!) порою мешала «новичку» в Петербурге и Москве проявлять выдержку и такт, не допустить опрометчивых высказываний (типа «химеры», «углекислые феи»), предвосхищать ответные действия обиженных, задетых, непонятых³.

Последние находили себя в действующих лицах романа «Некуда» и в очерках «Русское общество в Париже» (1863, 1867 гг.). Мечь копилась и выплескивалась наружу через десятилетия и в коварных поступках. Е. М. Феоктистов – жертва поспешной фразы («откормленный колонист») – «зарезал» в качестве цензора (хуже Победоносцева) выпуск VI тома собрания сочинений Н. С. Лескова. Узнав об этой новости 16 августа 1889 г. на лестнице суворинской типографии, с Лесков испытал приступ стенокардии – первый симптом болезни, которая через 5 лет свела его в могилу [1, с. 188]. Выйти из тупика ситуации 60-х гг. не помогли ни самооправдание, ни принятие части вины на себя. «Прошлое отбрасывает длинные тени», – так гласит английская поговорка.

Н. С. Лесков – сложная натура. Современники подмечали в нем черты притягивающие и отталкивающие. Придирчивый в общении. Язвительный в репликах. Полярно разный для «своих» и «чужих». С переменчивым настроением даже в течение дня. Абсолютный идеалист, неустанно ищущий справедливость, доброту, истину. Много от проповедника и моралиста. Соединение

противоречивых начал: творческого идеализма и сурового критицизма: «Лгать не стану и дурное назову дурным кому угодно», «Не мирюсь с соблазнителями смысла». Не держал нос по ветру. Проницателен в близких и дальних прогнозах [8, с. 409–411]. И завершим этот фрагмент воспоминаниями его будущего биографа П. Быкова (1860): «Профессор (И. В. Вернадский) познакомил нас, и Лесков вперил в меня взгляд слишком внимательный, от которого мне стало как-то не по себе. Но в общем новый мой знакомый произвел впечатление обаятельное...» [4, с. 52].

Кредо писателя Лескова

Кредо писателя реализуется через стиль его творчества; общественную значимость его шедевров и напутствия будущим поколениям.

Стиль писателя – это исповедь двойне: человека и творца. Н. С. Лесков как сын бедного помещика и знакомый с буднями в российской глубинке мог с достоинством (имел право) заявить: «Я не изучаю народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе <...> так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек» [5].

Н. С. Лесков – автор многих романов (от «Некуда» до «Соборяне» (1872 г.)), но они не принесли писателю полного удовлетворения. Он подвергал жанр романа насмешкам из-за «закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра» [2, с. 13]. К середине 70-х гг. в творчестве Лескова установилось господство малых форм (очерк, новелла, сказка, повесть, рассказы о «праведниках», «кстати» и «рассказ в рассказе»). Главное в этом выборе: Лесков идет от жизни, «калейдоскопической пестроты русской жизни», полной сюрпризов, странных теорий и неожиданностей [2, с. 29].

У Лескова главная фигура не полновластный автор; он скорее собеседник множества людей, дающий им возможность свободно высказаться, выразить себя в речи – речи живой, правдивой, убедительной. Алгоритм многих рассказов Лескова предстает как спор собеседников без авторской подсказки, на чьей он стороне. Улавливает связь (пусть и пунктирную) с кредо «против течений» [2, с. 14, 17, 18–20].

Лесков успешно апробировал жанр «хроники» («Захудалый род», 1874 и «Детские годы», 1875). В них (хрониках) присутствуют мемуары (воспоминания) действующих лиц. Свобода авторского самовыражения допускала соединение публицистики и беллетристики в пределах одно-

го произведения [2, с. 23, 25]. Гибрид жанров утвердил себя лишь в XXI в. в шедеврах постмодернизма.

Шедевры Лескова восхищают и тревожат магией своих пронзительных эпизодов и реплик. Наш выбор сделан.

«*Леди Макбет Мценского уезда*» (1865 г., журнал «Эпоха» Достоевских) – самая трудная для интерпретации. Трагедия масштаба Шекспира. Россыпь мистики. Катерина Львовна и Сергей душат мужа-купца: «Что же вы это, варвары?». После очередного убийства Катерину окружает смешанная толпа (полицейских, зевак, соседей). Она в испуге и сдается: «Вяжите меня!». Она видит над забором головы любопытных, сбежавшихся на зрелище: эти не выпустят... Фон дороги каторжан к Волге, на восток: серая хлябь дороги, под серым дождливым небом, под стон и вой ветра... Комментарий автора к финалу из «Книги Иовы» (первого русского патриарха, сторонника Бориса Годунова. – В. П.): «Прокляни день твоего рождения и умри!». Эти эпизоды цитируют или вольно передают почти все аналитики очерка. В незатухающей страсти Екатерины нечто демоническое, истинно женского рода. Меня потрясают муки ревности, выпавшие на долю униженной подлостью бывшего любовника Сергея. И трагический выход из тупика через убийство соперницы и самоубийство [6, с. 147–148, 150–151].

«*Тупейный художник. Рассказ на могиле*» (1883). Эпиграф: «Души их во благих водворятся. Погребальная песня». Крепостная актриса Любовь Онисимовна. Наложница. Пороли, отправляли к свиньям. Гибнут возлюбленный Аркадий и граф Каменский. По двум загубленным жизням она ежедневно поминает по-русски: утерла слезы, пососала водочки из «плакончика» (из слов «флакон» и «плакать») [6, с. 524–525]. Безымянный дворник, убийца из алчности выдержал сорок кнутов и, клейменный, пошел на каторгу. Ужасные и раздирающие душу поминки и простота зла.

Напутствия Лескова будущим поколениям чем-то напоминают откровения апостолов, святителей на Руси.

Писатель – это мученик, в нем заложен синтез призвания и проклятия. От своей миссии, долга, ответственности писателю невозможно освободиться ни под каким предлогом. Ему предназначено быть проклятым из-за недовольства самим собой, окриков критиков и равнодушия читателей.

Писатель – это общественный врач, его ухо ловит далекие тектонические гулы из «глубины земли», и близкие, «из-за стены», косноязычные крики. Он оказывается на краю бездны, увидев звериное в природе человека, преступной и аморальной толпе, в крутых мужиках, готовых ближним головы проломить [1, с. 57, 90].

Писатель – это аналитик пароксизмов власти (не только бесовской любви, как в «Леди Макбет Мценского уезда»). В ней (страсти) смесь зверства и сентиментальности; она импульсивна, иррациональна, ревнива, сумбурна. Мы до конца не раскроем для себя тайны чужой страсти.

Авторское повествование о Н. С. Лескове завершается. Настало время высказаться, в чем же состоит поучительность послания гения России (наряду с Достоевским) читателям и исследователям начала XXI в. Наш ответ будет тройным.

Н. С. Лесков – скорее еретик, нежели ортодокс для любого течения общественной мысли на подъеме или спаде. Он «неудобен» для любого поколения (старших и младших современников, потомков); он верен себе, своему мироощущению в каждое десятилетие перемен (60-е, 80-е гг. и конец XIX в.). Н. С. Лесков проницателен в характеристике романтиков, фанатиков, циников, сопровождающих любые потрясения в истории России. И всегда будут неожиданные метаморфозы во взглядах и поведении левых, правых, центристов.

Н. С. Лесков – проницательный исследователь переменчивой психологии толпы (массы, народа), способной на разрушительные бунты локального и общероссийского масштаба. Новые идеи и «новые люди» могут оказаться в явном меньшинстве и без поддержки общества агонируют, гаснут, деградируют.

Н. С. Лесков – из плеяды гениев, рискнувших обратиться ко злу в природе человека. Зверь дремлет в человеке. Он просыпается при общественных катаклизмах (войны, революции, реформы) и при пароксизме страсти (любовь, корысть, месть и пр.). Эта истина, запрятанная в глубинах сознания и подсознания человека, была доступна святителям-проповедникам типа Иовы. Ее отразили и народные афоризмы: «Не будите спящих собак!» (Бельгия) и «Не викликайте вовків з лісу» (Украина). Есть нечто звериное и в русофобии.

Библиографический список

1. Аннинский, Л. Лесковское ожерелье [Текст] / Л. Аннинский. – М. : Книга, 1982. – 189 с.

2. Видуэцкая, И. П. Ник. Сем. Лесков [Текст] / И. П. Видуэцкая. – М. : Изд. Моск. ун-та, 2000. – 95 с.

3. Волынский, А. Л. Н. С. Лесков. Крит. очерк [Текст] / А. Л. Волынский. – СПб. : Изд. Я. И. Либермана, 1898. – 168 с.

4. Гроссман, Леонид. Н. С. Лесков. Жизнь – Творчество – Поэтика [Текст] / Л. Гроссман. – М. : Гос. изд. худ. лит., 1945. – 320 с.

5. Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и внесемейным запискам и памяткам : в 2-х т. – Т. 1 [Текст] / А. Н. Лесков. – М. : Худ. лит., 1984. – С. 192.

6. Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 5 [Текст] / А. Н. Лесков. – М. : АО «Экран», 1993. – С. 109–151/572.

7. Пештиев, В. И. Исторические судьбы России в творчестве Чаадаева [Текст] / В. И. Пештиев // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 302–306.

8. Фаресов, А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем [Текст] / А. И. Фаресов. – СПб., 1904. – 411 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Anninskij, L. Leskovskoe ozherel'e [Tekst] / L. Anninskij. – M. : Kniga, 1982. – 189 s.

2. Vidujeckaja, I. P. Nik. Sem. Leskov [Tekst] / I. P. Vidujeckaja. – M. : Izd. Mosk. un-ta, 2000. – 95 s.

3. Volynskij, A. L. N. S. Leskov. Krit. ocherk [Tekst] / A. L. Volynskij. – SPb. : Izd. Ja. I. Libermana, 1898. – 168 s.

4. Grossman, Leonid. N. S. Leskov. Zhizn' – Tvorchestvo – Pojetika [Tekst] / L. Grossman. – M. : Gos. izd. hud. lit., 1945. – 320 s.

5. Leskov, A. N. Zhizn' Nikolaja Leskova. Po ego lichnym, semejnym i vnesemejnym zapisjam i pamjat'jam : v 2-h t. – T. 1 [Tekst] / A. N. Leskov. – M. : Hud. lit., 1984. – S. 192.

6. Leskov, N. S. Sobr. soch. : v 6 t. – T. 5 [Tekst] / A. N. Leskov. – M. : АО «Jekran», 1993. – S. 109–151/572.

7. Peftiev, V. I. Istoricheskie sud'by Rossii v tvorcestve Chaadaeva [Tekst] / V. I. Peftiev // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 302–306.

8. Faresov, A. I. Protiv techenij. N. S. Leskov. Ego zhizn', sochinenija, polemika i vospominanija o nem [Tekst] / A. I. Faresov. – SPb., 1904. – 411 s.

¹ Идея хождения в «народ» и возбуждения его против власти воспринималась им как «скверная» (опасная, без перспектив). Лесков предвидел фиаско идеи и в 60-е, и в 70-е гг. Мало «хороших людей» (да и те перерождаются). Сознание крестьян в плену архаичных представлений. Об этом в ранних рассказах Лескова. Крестьяне совершают святотатственные акты и языческие обряды заклинания дождя (рассказ «Погасшее дело» («Засуха»), 1862 г.). Мужик с перепугу убивает встреченного им в лесу голодного

беглого солдата (рассказ «Разбойник», 1862 г.). В третьем рассказе «Язвительный» (1863 г.) крестьяне поднимают бунт против управляющего-англичанина, пытавшегося вводить агротехнические улучшения. После усмирения бунта крестьяне скорее решаются идти под палки и даже в Сибирь, чем принять этого иностранца обратно [2, с. 5].

² «Не ко двору» – так воспринимал Лескова критик А. Л. Волынский, представитель поколения «конец века», сопровождая этот приговор отдельными реверансами в сторону «опального» современника за удачные сюжеты, эпизоды, стилистические находки. Подтверждаем сказанное цитатами из критического очерка. Широкая известность его романов («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник») – невыгодная и малопонятная – получила «мало значащее прощение» от современного русского либерализма. Лесков достиг «внешнего примирения» с либерализмом, публикуя свои произведения в журналах «Русская мысль» и «Вестник Европы». Это

примирение с некогда ненавистным писателем «лишено было глубоких корней». Показательна и последняя фраза в критическом очерке А. Л. Волынского: «Потеряв свое непосредственное религиозное вдохновение в народном духе и самолюбиво озабоченный мыслью о примирении разнообразными передовыми силами, он (Лесков) запутывался в умственных противоречиях. Старый изограф умирал» (иконописец. – В. П.) [3, с. 143–144, 164–165, 168].

³ Эмоции и задиристые фразы из статьи о пожарах в Петербурге не намекали на поджигателей из студентов и не требовали против них репрессий. Она (статья) сводилась к следующему призыву: «...слухи о поджигателях невыносимы; если кто-то поджигал – арестуйте злодеев и судите их гласно; если же никто не поджигал – опровергните слухи!» [1, с. 18]. Ничего более! Но в накаленной обстановке весны 1862 г. никто не хотел здравого смысла. И автор еще не держал в узде свои слова.